

Саиа Вей

Будь покорной и получишь секс

18+

Саша Вей

Будь покорной и получишь секс

«Автор»

2026

Вей С.

Будь покорной и получишь секс / С. Вей — «Автор», 2026

Она была идеальной женой: безупречные манеры, стерильный брак и жизнь, отполированная до блеска. Пока дождь над Лионом не привёл её в виллу, где время остановилось, а приличия растворились в аромате сандала, старого бархата и обещаний, от которых стынет кровь. Но за изысканной жестокостью скрывался архив. Папки с именами женщин, чьи души он методично «очищал» до абсолютной покорности. Элен поняла: она не муза. Она — следующий экземпляр. Её пробуждение было не свободой, а спланированным разрушением. Вместо бегства она сделала невозможное: стала его зеркалом. Завязала ему глаза, лишила контроля, заставила дрожать. И разбила стекло его всемогущества одним ударом канделябра. Где заканчивается страсть и начинается одержимость? Что сильнее — желание подчиниться или жажда доминировать? Тёмный эротический психологический триллер о цене свободы, архитектуре желания и женщине, которая перестала быть отражением.

© Вей С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Саша Вей

Будь покорной и получишь секс

Глава 1.

Дождь над поместьем в пригороде Лиона не просто шел — он окутывал мир тяжелым, влажным саваном, стирая границы между садом и домом, между реальностью и тем дурманом, в который я погрузилась с того самого момента, как переступила порог этой виллы. В воздухе застыл густой, почти осязаемый аромат перезревших лилий и старой кожи, смешанный с едва уловимым металлическим привкусом надвигающейся грозы.

Я стояла перед огромным зеркалом в золоченой раме, глядя на свое отражение. Шелковый халат цвета темного вина едва касался моей кожи, и каждое его движение вызывало легкий, почти болезненный трепет. Я чувствовала себя добычей, которая добровольно зашла в ловушку, заинтригованная блеском стальных прутьев. Моя жизнь до этого дня была безупречной, как отполированный мрамор: правильный муж, правильные манеры, правильная скука, которая медленно, день за днем, выедала мою душу изнутри.

Но здесь, в этом доме, где время, казалось, остановилось в эпоху великих пороков, правила менялись.

Сзади послышались шаги — мягкие, уверенные, почти бесшумные. Я не оборачивалась. Я видела его в зеркале: высокий силуэт, окутанный полумраком коридора. Жюльен не спешил. Он остановился в двух шагах, и я почувствовала, как пространство между нами наэлектризовалось, словно перед ударом молнии. Его взгляд не просто касался меня — он раздвигал, проникал сквозь ткань шелка, сквозь мою кожу, прямо в те темные уголки сознания, о которых я боялась признаться даже самой себе.

— Вы дрожите, Элен, — его голос был низким, с легкой хрипотцой, которая отозвалась странным, тягучим теплом внизу моего живота. — Это страх или узнавание?

Он медленно поднял руку, но не коснулся меня. Его пальцы замерли в миллиметре от моей шеи, и этот почти неосязаемый зазор между нами стал самой мучительной формой близости, которую я когда-либо испытывала. Я закрыла глаза, и в этот миг тишина комнаты стала оглушительной. Я знала, что за этим спокойствием скрывается бездна. Что за этим изысканным гостеприимством прячется нечто опасное, возможно, преступное, но именно эта опасность была тем единственным ключом, который мог открыть замок моей замерзшей чувственности.

— Я не знаю, — прошептала я, и мой собственный голос показался мне чужим, надломленным.

— Значит, мы начнем с обучения, — ответил он, и я почувствовала, как его дыхание коснулось моего уха, обжигая холодом и обещанием чего-то такого, после чего возвращение к «правильной» жизни станет невозможным.

В этот момент я поняла: я больше не принадлежу себе. И самое пугающее было в том, что я ждала этого с нетерпением, которое граничило с безумием.

Жюльен не коснулся меня. Вместо этого он медленно отступил на шаг, и эта внезапная дистанция ощутилась мной как физический удар, как резкий обрыв нити, которая только что связывала наши дыхания. Он смотрел на меня — не с вожделием, которое я привыкла видеть в глазах мужчин, а с холодным, почти исследовательским любопытством, словно я была редким экземпляром насекомого, приколотым булавкой к бархатной коллекции.

— Следуйте за мной, Элен, — произнес он, и в этом простом приказе было столько естественной власти, что я сама не заметила, как пошла за ним, даже не успев осознать, что дала согласие.

Мы вышли из спальни. Коридоры виллы казались бесконечными лабиринтами, где стены, обитые тяжелым темно-синим штофом, поглощали звуки наших шагов. Свет был приглушен, лишь редкие бра отбрасывали дрожащие тени, которые, казалось, жили своей жизнью, скользя по потолку и углам. Я чувствовала, как шелк моего халата скользит по бедрам, и этот звук — едва слышный шорох ткани — в абсолютной тишине дома казался мне оглушительным, почти непристойным.

Он привел меня в комнату, которую я раньше не замечала. Это была библиотека, но не в привычном понимании: здесь не было уютных кресел и настольных ламп. Огромное помещение с высокими стеллажами до самого потолка было погружено в полумрак, а в центре стоял единственный предмет мебели — массивный стол из черного дерева, полированная поверхность которого напоминала застывшую нефть.

— Садитесь, — он указал на край стола.

Я подчинилась, чувствуя, как холод дерева проникает сквозь тонкую ткань халата, вызывая новую волну дрожи. Жюльен встал напротив, оперся руками о столешницу, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я видела каждую черточку его лица, видела, как расширились его зрачки, поглощая остатки света.

— Ваша проблема, Элен, не в отсутствии любви или страсти, — теперь его голос звучал мягко, почти ласково, но за этой лаской скрывалась сталь. — Ваша проблема в том, что вы слишком привыкли быть «правильной». Вы создали вокруг себя кокон из приличий, этикета и социальных ролей. Вы — безупречная жена, идеальная хозяйка, воплощение добродетели. Но внутри этого кокона живет существо, которое задыхается. Существо, которое жаждет не нежности, а... истины.

Он медленно поднял руку и наконец коснулся меня. Его длинные холодные пальцы осторожно обхватили мое запястье. Он не сжимал его, но я чувствовала, что не смогла бы вырваться, даже если бы захотела. Сердце забилося в горле, ритм стал прерывистым, лихорадочным.

— Истина в том, что истинное наслаждение начинается там, где заканчивается контроль, — прошептал он. — Чтобы почувствовать всё, нужно сначала перестать принадлежать самому себе.

Он медленно, почти ритуально, начал снимать с моего пальца обручальное кольцо. Этот жест был более интимным и пугающим, чем любое обнажение. Он не просто снимал украшение — он снимал с меня мою идентичность, мой социальный статус, мою принадлежность другому человеку. Когда кольцо с тихим звоном легло на черную поверхность стола, я почувствовала странную, почти пугающую легкость. Словно вместе с этим кусочком золота исчезла часть стены, отделявшей меня от бездны.

— Теперь ты здесь никто, — сказал он, и в его глазах вспыхнул опасный огонек. — Ты не жена, не дочь, не госпожа. Ты просто тело, которое хочет чувствовать. И ты будешь делать только то, что я прикажу. Не потому, что я требую подчинения, а потому, что этого требует само твое тело.

Он отошел от меня, и я снова ощутила эту мучительную пустоту. Теперь он начал медленно обходить меня по кругу, словно хищник, изучающий добычу перед прыжком. Я сидела неподвижно, боясь даже вздохнуть, замороженная этим ритмом, этой игрой в кошки-мышки.

— Закройте глаза, Элен.

Я подчинилась. Мир исчез, остались только запахи — аромат старой бумаги, кожи, дождя за окном и его парфюм, в котором смешались ноты сандала и чего-то горького, напоминающего полынь. Оставшись в темноте, я обострила все остальные чувства. Я слышала его дыхание, слышала, как он снова приближается.

Я ждала прикосновения. Я жаждала его с такой силой, что эта жажда стала почти физической болью. Но он не касался меня. Я чувствовала, как его дыхание обдает мою шею, как он

замирает в миллиметре от моей кожи, но не пересекает эту черту. Это была пытка — самая изощренная и жестокая пытка, которую я когда-либо испытывала. Мое тело начало меня предавать: кожа стала сверхчувствительной, каждый волосок на руках встал дыбом, а внизу живота разлился тягучий жар.

— Вы хотите, чтобы я вас коснулся? — спросил он, и его голос прозвучал прямо у моего уха, вызвав электрический разряд, пробежавший по всему позвоночнику.

— Да... — выдохнула я, и этот звук показался мне стоном, признанием в самом постыдном желании.

— «Да» — это слишком просто, Элен. В этом доме мы не используем простых слов. Попросите меня. Попросите так, чтобы я почувствовал вашу нужду. Чтобы я понял, что без этого прикосновения вы просто перестанете существовать.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Моя гордость, остатки воспитания боролись с этим диким, первобытным голосом внутри, который требовал сдаться. Я почувствовала, как по спине стекает капля пота, как шелк халата прилипает к коже.

— Пожалуйста... Жюльен... — прошептала я, чувствуя, как краснеют мои щеки. — Прикоснитесь ко мне. Я... я больше не могу.

Я услышала легкий, почти незаметный смешок. Это был смех человека, который знает, что уже победил.

— Этого недостаточно, — ответил он. — Ваше желание все еще облечено в форму вежливости. Я хочу слышать не вежливость, а страсть.

И в этот момент он сделал то, чего я не ожидала. Он резко, одним движением развязал пояс моего халата. Ткань соскользнула с моих плеч, обнажив тело перед холодным воздухом библиотеки и его пронзительным взглядом. Я инстинктивно попыталась прикрыться, но он перехватил мои руки и прижал их к столу.

Его хватка была крепкой, но не грубой. Это была хватка хозяина, который точно знает цену своей собственности. Теперь, когда, между нами, не осталось ничего, кроме воздуха, напряжение стало почти невыносимым. Я видела, как его взгляд медленно скользит по моим изгибам, и этот взгляд ощущался как физическое прикосновение — горячее, обжигающее, оставляющее невидимые следы на коже.

— Посмотри на себя, Элен, — приказал он, заставляя меня взглянуть на свое отражение в полированной поверхности черного стола.

— Посмотри на себя, Элен, — приказал он, заставляя меня взглянуть на свое отражение в полированной поверхности черного стола.

Я подчинилась. Поверхность дерева была такой темной и гладкой, что казалась глубоким застывшим чернильным озером. В этом мрачном зеркале я увидела себя: бледную, почти прозрачную фигуру на фоне абсолютной черноты. Мои плечи были прижаты к столу, грудь тяжело вздымалась, и я видела, как дрожит моя кожа — мелкая, почти незаметная рябь, выдававшая мой истинный ужас и истинное желание. В этом отражении я была не женой Марка, не уважаемой женщиной в обществе. Я была просто обнаженным телом, беззащитным не только перед мужчиной, но и перед самой собой.

Жюльен стоял у меня за спиной, и его отражение в зеркале казалось огромным, поглощающим все пространство вокруг. Он не касался меня, но я ощущала его присутствие как физическое давление, как тяжелый бархатный занавес, который медленно опускался, отрезая меня от всего остального мира.

— Что ты видишь, Элен? — его голос прозвучал совсем рядом, почти касаясь моей кожи, вызывая новую волну мурашек. — Видишь ли ты ту женщину, которой тебя заставили быть? Видишь ли ты эту безупречную маску, которую носишь с таким усердием, что она уже начала вращаться в твое лицо?

Я хотела ответить, но голос пропал. Я смотрела на свои руки, прижатые к черному дереву, и вдруг осознала, насколько они беспомощны. Мои пальцы, привыкшие к легким прикосновениям, перелистыванию страниц и формальным рукопожатиям, теперь казались мне чужими.

— Ваша кожа... — прошептал он, и я почувствовала, как его взгляд медленно, почти с хирургической точностью скользит по моему телу. — Она жаждет. Она кричит о том, в чем вы так боялись признаться. Вы всю жизнь стремились к чистоте, Элен, но чистота — это просто другое название пустоты. А я предлагаю вам наполненность. Даже если эта наполненность граничит с болью.

И тогда он наконец коснулся меня.

Это не было лаской в привычном понимании этого слова. Он не гладил меня, не пытался соблазнить. Его ладонь медленно, с невыносимой медлительностью легла мне на затылок, и его пальцы сжались в моих волосах. Это было резкое, властное движение, от которого моя голова слегка запрокинулась, обнажая шею. Этот жест был одновременно агрессивным и покровительственным, он заявлял о его правах на меня.

Я издала тихий прерывистый звук — нечто среднее между всхлипом и стоном. Мои глаза закрылись, и в этот миг все пространство вокруг меня исчезло. Остался только этот захват, эта точка соприкосновения, через которую в мое тело хлынул ток, которого я никогда раньше не ощущала. Это было похоже на то, как если бы в замерзшую землю ударила молния, пробудив все, что спало там долгие годы.

— Откройте глаза, — приказал он.

Я открыла их и снова увидела нас в черном зеркале стола. Его рука в моих волосах, моя выгнутая спина, мое лицо, искаженное странным, пугающим выражением — смесью отчаяния и экстаза.

— Почувствуйте этот холод, Элен, — он положил вторую руку мне на живот, и его пальцы, действительно ледяные, контрастировали с жаром моей кожи. — Холод дерева под вами и жар моей руки на вас. Между этими двумя полюсами и рождается истина. Ваша истина в том, что вы больше не хотите быть хозяйкой своей жизни. Вы хотите, чтобы вами управляли. Чтобы вас заставляли. Чтобы вас учили чувствовать там, где вы привыкли быть слепой.

Его пальцы начали медленно спускаться ниже, не спеша, дразня, оставляя за собой след из невидимого огня. Я чувствовала, как все мое существо сжимается в одну-единственную точку, в один-единственный центр желания, который пульсировал в ритме моего сердца. Я больше не пыталась сопротивляться. Напротив, я инстинктивно подалась навстречу его руке, ища этого прикосновения, как утопающий ищет воздух.

— Пожалуйста... — выдохнула я, и теперь это слово не было просьбой. Это было признание поражения.

— «Пожалуйста» что, Элен? — он чуть сильнее сжал мои волосы, заставляя смотреть ему прямо в глаза через отражение. — Будьте точны. В этом доме слова имеют значение. Назовите то, что вам нужно. Назовите свой грех.

Я замолчала, и эта тишина стала почти осязаемой. Я чувствовала, как рушится последняя преграда. Преграда моего воспитания, моих принципов, моих представлений о достоинстве — все это сгорало в пламени этого странного, изысканного унижения. Я поняла, что достоинство, которое я так бережно хранила все эти годы, было всего лишь тюрьмой. И сейчас, в этой библиотеке, в объятиях человека, который видел меня насквозь, я впервые почувствовала себя свободной.

— Я хочу... чтобы вы забрали меня, — прошептала я дрожащими губами. — Заберите все. Мою волю, мою гордость... все. Я хочу принадлежать вам.

Жюльен замер. На мгновение мне показалось, что я зашла слишком далеко, что я напугала его своей внезапной откровенностью. Но потом я увидела в зеркале, как его губы тронула

легкая, почти хищная улыбка. Это была улыбка творца, который увидел, что глина наконец стала податливой.

Он медленно отпустил мои волосы и положил ладонь мне на шею, слегка сжимая ее — не так, чтобы перекрыть доступ воздуха, а так, чтобы я ощутила грань между жизнью и забвением. В этом легком удушье была высшая форма близости. Я чувствовала, как кровь приливает к лицу, как мир вокруг начинает плыть, и оставались только его взгляд и его рука на моем горле.

— Теперь мы можем начать, — тихо сказал он.

Он медленно отстранился, и эта внезапная потеря контакта была почти болезненной. Я осталась лежать на холодном черном столе, обнаженная, дрожащая, с распущенными волосами и разбитым сердцем, которое теперь билось в новом, пугающем ритме.

Жюльен подошел к краю стола и взял обручальное кольцо, которое все еще лежало там, маленькое и бессмысленное, как обломок старого корабля. Он посмотрел на него с легким презрением, а затем, не глядя на меня, бросил его в стоявшую рядом глубокую пепельницу из темного стекла. Звук удара металла о стекло был коротким и решительным.

— Ваша прошлая жизнь закончилась в тот момент, когда вы произнесли эти слова, Элен. Теперь вы — чистый лист. И я напишу на вас всё, что пожелаю.

Он развернулся и медленно пошел к выходу из библиотеки, не оборачиваясь. Он знал, что я пойду за ним. Он знал, что я не смогу остаться в этой комнате, потому что теперь эта комната была единственным местом, где я была настоящей.

Я медленно поднялась с холодного дерева. Ноги слегка подкашивались, а кожа все еще хранила ощущение его ледяных пальцев. Я не стала искать халат. Я шла за ним обнаженной, чувствуя, как прохладный воздух коридоров касается моего тела, как меня окутывает шепот теней. Я больше не боялась своей наготы. Напротив, она стала моей новой кожей, моей новой правдой.

Я шла за ним в полумрак виллы, и каждый мой шаг был шагом в бездну. Но самое странное было то, что, глядя в спину этого человека, я впервые в жизни почувствовала, что наконец-то возвращаюсь домой. В дом, где нет правил, нет масок и нет правды, кроме той, которую диктует желание.

Дождь за окном все еще лил, стирая границы мира, но теперь он уже не казался мне саваном. Он казался мне крещением. Крещением в воде, которая не очищает, а пробуждает все самое темное, самое скрытое и самое прекрасное, что было спрятано глубоко внутри меня.

Глава 2.

Жюльен привел меня в комнату, которую я позже назвала Залом ощущений, хотя в тот первый раз она показалась мне скорее храмом, посвященным каким-то забытым и опасным богам. Здесь не было окон, и свет нескольких тяжелых свечей, застывших в массивных бронзовых подсвечниках, едва разгонял густой, почти осязаемый полумрак. Стены были обиты темно-бордовым бархатом, который, казалось, поглощал все звуки, превращая пространство в абсолютную тишину. В воздухе витал тяжелый, дурмящий аромат ладана, смешанный с приторной сладостью ночного жасмина — запах, который обычно сопровождает либо религиозные обряды, либо самые потаенные пороки.

Я остановилась в центре комнаты, чувствуя, как учащается мое дыхание. Я все еще была обнажена, и от прохлады в комнате по моей коже побежали мурашки. Жюльен стоял передо мной, его лицо было скрыто тенью, но я чувствовала на себе его взгляд — пронзительный, изучающий, не терпящий лжи.

— Зрение — самый большой обманщик, Элен, — произнес он, и его низкий вибрирующий голос отозвался в моем теле странным тягучим эхом. — Мы видим то, что хотим видеть. Мы смотрим на людей и видим их социальные роли, их одежду, их маски. Глаза заставляют нас судить, оценивать, сравнивать. Но чтобы почувствовать истину, нужно сначала ослепнуть.

Он медленно поднял руку. В пальцах он сжимал широкую ленту из черного плотного шелка. Я видела, как ткань мягко переливается в свете свечей, и в этот момент меня охватила странная паника. Лишиться зрения означало полностью отдаться в его власть, перестать контролировать происходящее и стать абсолютно уязвимой.

Но вместе с паническим страхом пришло и нечто иное — острое, почти болезненное предвкушение.

Он подошел ко мне вплотную. Я почувствовала тепло его тела, запах сандала и горькой полыни. Он не торопился. Его пальцы осторожно, почти невесомо коснулись моих висков, а затем на глаза легла повязка. Когда он завязал узел на затылке, мир вокруг меня мгновенно исчез.

В первую секунду я почувствовала дезориентацию, почти физический толчок. Тьма была абсолютной. Я больше не понимала, где верх, где низ, где заканчиваюсь я и начинается эта комната. Я осталась одна в пустоте, и единственным якорем для меня был звук собственного сердца, которое теперь билось в ушах, как набат.

В этот миг темнота в Зале ощущений сменилась ослепительным, почти хирургическим светом.

Я снова была в нашей с Марком спальне. Белые стены, белоснежные простыни, мебель из светлого дерева. Солнце заливало комнату, делая все вокруг стерильно чистым, прозрачным и невыносимо скучным. Я помню, как лежала на этой огромной, идеально застеленной кровати, смотрела в потолок и чувствовала, что этот свет не согревает, а выжигает меня изнутри. Марк стоял у зеркала, застегивая запонки на своей безупречно белой рубашке. Он выглядел как воплощение успеха и правильности. Он подошел ко мне, наклонился и поцеловал в щеку — нежно, аккуратно, как и положено. Это был поцелуй-печать, подтверждающий, что наш брак функционирует исправно, что мы — идеальная пара в идеально освещенном мире. В этой прозрачности не было места тайнам, не было места тени, а значит, не было места жизни. Я была для него прекрасным дополнением к его успешной жизни, такой же чистой и предсказуемой, как эта комната.

— Не бойся этой темноты, Элен, — прошептал Жюльен.

Он был так близко, что я чувствовала его дыхание у своего уха, но он не касался меня. Я вздрогнула, и этот звук — мой собственный испуганный вздох — показался мне оглушительным в этой тишине.

— Теперь ты слышишь всё, — продолжал он, и я почувствовала, как он медленно обходит меня по кругу. — Ты слышишь шорох моей одежды, слышишь, как в другом конце комнаты догорает свеча. Твои чувства обострились, потому что им больше не нужно бороться с визуальным шумом. А теперь скажи мне... о чем ты думаешь в этой пустоте?

Я молчала, боясь, что любой звук выдаст мою слабость. Но темнота начала делать свое дело. Не видя ничего вокруг, я перестала «держаться». Моя внутренняя цензура, годами редактировавшая каждое мое слово и жест, дала сбой.

— Я... я чувствую себя маленькой, — прошептала я, и свой голос показался мне чужим, надломленным. — Как будто я исчезаю.

— Именно, — ответил он, и теперь его голос звучал откуда-то справа. — Ты исчезаешь как «госпожа Элен», как «жена Марка». Ты стираешься. И в этом стирании рождается истинная свобода. Скажи мне, Элен, чего ты хочешь на самом деле? Не того, что ты считаешь «правильным» или «допустимым». Расскажи мне, что ты шепчешь себе в темноте, когда Марк засыпает рядом с тобой, уверенный в твоей чистоте.

Снова вспышка. Наш секс с Марком. Вечер пятницы. Мы в нашей спальне. Все происходит методично, почти функционально. Он внимателен, заботлив, спрашивает: «Тебе так нравиться?», «Все хорошо?». Его забота была самой изысканной формой равнодушия. Для него близость была пунктом в списке дел, как оплата счетов или визит к стоматологу. Я лежала под ним, закрыв глаза, и представляла, как кто-то грубо рвет эти белоснежные простыни, как кто-то заставляет меня кричать от наслаждения или боли, лишь бы это было по-настоящему. Я жаждала быть не «любимой», а «желанной» до безумия, до потери рассудка. Я хотела, чтобы меня стерли, чтобы от меня не осталось ничего, кроме одного-единственного ощущения.

— Я хочу... — я запнулась, чувствуя, как к лицу приливает жар. — Я хочу, чтобы я больше не принадлежала себе. Я хочу, чтобы кто-то взял на себя ответственность за мое наслаждение... и за мою боль.

Произнеся эти слова, я почувствовала, как в комнате что-то изменилось. Воздух стал еще более плотным. Жюльен замолчал, и эта пауза была более интимной, чем любое прикосновение. Я ждала. Я жаждала того, что он сейчас сделает. Мое тело превратилось в один оголенный нерв, каждая пора на моей коже была открыта навстречу неизвестности.

И вдруг я почувствовала что-то холодное.

Это было мимолетное, почти невесомое прикосновение. Что-то металлическое, ледяное коснулось кончика моего носа, затем медленно спустилось по переносице, по верхней губе и задержалось в уголке рта. Этот контраст — обжигающий жар моей кожи и абсолютный, почти мертвенный холод металла — вызвал во мне настоящий электрический разряд. Я вскрикнула и инстинктивно подалась вперед, но в темноте не видела, где он, и этот жест был бессмысленным.

— Это серебряное перо, Элен, — теперь его голос звучал прямо у меня над ухом. — Оно не согревает. Оно не ласкает. Оно лишь указывает путь.

Он провел холодным металлом по моей шее, спускаясь к ключицам, и я почувствовала, как по спине пробежала дрожь. Это было так странно и так правильно. В этом холодном прикосновении было больше правды, чем во всех теплых объятиях Марка за десять лет нашего брака.

— Чувствуешь, как оживает твоя кожа? — прошептал он. — Она больше не спит. Она проснулась, потому что ей больше не на что полагаться, кроме этого холода.

Он убрал перо, и я почувствовала, как в месте его прикосновения остался легкий ожог. Я стояла в темноте, связанная шелком и собственными желаниями, и впервые в жизни мне не хотелось, чтобы меня спасали. Я хотела, чтобы этот урок длился вечно. Я хотела, чтобы он вел

меня все глубже в эту черную бездну, потому что только там, в абсолютной темноте, я наконец начала видеть себя.

Жюльен привел меня в ванную комнату, которая больше напоминала святилище, посвященное культу воды и отражений. Стены были облицованы темным, почти черным мрамором с тонкими белыми прожилками, напоминающими разряды молний в ночном небе. В центре комнаты возвышалась огромная купель, высеченная из цельного куска серого камня; вода в ней была теплой, прозрачной и неподвижной, как зеркало. Но настоящим лабиринтом были зеркала — огромные полотна, расположенные друг напротив друга, создавали иллюзию бесконечного коридора. Я видела десятки своих отражений, уходящих вглубь пространства, и каждое из них казалось мне чуть более чужим, чем предыдущее.

— Второй урок, Элен, — произнес он, и его голос в этом каменном пространстве зазвучал странно, гулко. — Твоя воля. Ты считаешь ее своей опорой, своей защитой. Но на самом деле твоя воля — это всего лишь шум. Постоянный, изматывающий шум, который заглушает истинные потребности твоего тела. Ты так привыкла решать, что тебе чувствовать, что разучилась чувствовать вообще.

Он достал из кожаного футляра ленты из бледно-кремового шелка. Они были такими мягкими, что казались почти текучими в его руках. Я почувствовала, как внутри меня снова поднимается волна страха, но теперь этот страх был смешан с каким-то диким, почти животным любопытством.

— Чтобы услышать истину, нужно заставить этот шум умолкнуть, — прошептал он.

В его движениях не было грубости, только пугающая, почти ритуальная точность. Он завел мои руки за спину, и я почувствовала, как шелк мягко, но уверенно обхватил мои запястья. Он не сжимал их до боли, но узел был завязан так искусно, что любая попытка вырваться лишь сильнее прижимала ткань к коже. Затем он зафиксировал мои лодыжки, ограничив подвижность.

Я оказалась в состоянии абсолютной неподвижности. Я не была привязана к какой-то мебели, я просто была ограничена в пространстве. Я была как дорогой подарок, бережно упакованный в шелк, чтобы сохранить его первозданную хрупкость.

— Теперь самое сложное, — сказал Жюльен, отступая на шаг. — Ожидание.

Он развернул меня лицом к зеркалам. Я увидела себя: обнаженную, связанную, беспомощную. А за моей спиной — бесконечная вереница таких же связанных женщин, уходящих в темноту мраморного коридора. Я чувствовала себя экспонатом в галерее собственного бессилия.

— Я оставлю тебя здесь. Не потому, что я жесток, а потому, что только в тишине и одиночестве ты сможешь почувствовать, как медленно угасает твоя воля. Когда ты перестанешь бороться со связывающими тебя путами, ты поймешь, что они — единственное, что удерживает тебя в реальности.

Он вышел из комнаты, и звук захлопнувшейся двери отозвался в моей груди глухим ударом.

Тишина навалилась на меня, как тяжелое одеяло. И в этой тишине внезапно всплыл образ нашей с Марком спальни. Я вспомнила наш последний вечер перед отъездом. Мы занимались любовью — все было безупречно, как всегда. Марк был внимателен, он следил за каждым моим вздохом, спрашивал: «Тебе так нравится?», «Все хорошо?». Его забота была такой правильной, такой функциональной, что превращалась в форму обслуживания. Он не хотел меня — он хотел, чтобы я была удовлетворена, чтобы все прошло по сценарию «счастливого брака». Я лежала под ним, глядя в идеально белый потолок, и чувствовала себя предметом мебели, который аккуратно полируют раз в неделю, чтобы он не терял товарного вида. Я была хозяйкой в этом доме, я распорядилась всем, но эта власть была пустой. Я была заложницей собственного комфорта, задыхаясь в стерильности этой «идеальной» любви.

Здесь, в мраморном холоде ванной, я была лишена всего. У меня не было власти, не было одежды, не было возможности даже почесаться или сменить позу. И вдруг я осознала, что это бессилие приносит мне невыносимое облегчение. Мне больше не нужно было быть «правильной». Не нужно было соответствовать чьим-то ожиданиям. В этом состоянии «вещи» я впервые за много лет почувствовала, как мое тело начинает жить своей собственной жизнью.

Я услышала, как капля воды срывается с крана и с хрустальным звоном разбивается о поверхность купели. Я чувствовала, как шелк на моих запястьях пульсирует в ритме моего сердца. Ожидание перестало быть пыткой — оно стало формой экстаза. Я так сильно жаждала его возвращения, что эта жажда превратилась почти в физическую боль, разливаясь внизу живота горячим тягучим потоком.

Когда дверь снова открылась, я вздрогнула всем телом. Жюльен вошел медленно, его шаги по мрамору звучали как удары метронома. Он не спешил подходить ко мне. Остановился в нескольких шагах, и я видела в зеркалах, как его взгляд медленно, почти хищно, изучает мою позу.

— Ты все еще борешься, Элен? — тихо спросил он.

— Нет... — выдохнула я хриплым, почти неузнаваемым голосом. — Пожалуйста...

Он подошел вплотную. Я почувствовала запах его духов, смешанный с ароматом мужчины. Он достал из кармана маленькое белоснежное перышко.

Он начал прикасаться ко мне. Но это было самое жестокое из всех его прикосновений. Он провел перышком по внутренней стороне моего бедра, поднимаясь все выше, но в тот самый момент, когда я инстинктивно подалась навстречу, чтобы ощутить этот контакт в полной мере, он резко отстранился.

Он дразнил меня. Он касался моих ребер, ключиц, кончика уха, но намеренно избегал тех зон, которые сейчас горели от невыносимого напряжения. Это была игра на грани срыва. Мое тело выгибалось, я пыталась поймать его прикосновения, но путы удерживали меня в неподвижности, заставляя принимать каждое его движение с покорностью жертвы.

— Ты просишь меня, Элен, но ты по-прежнему просишь как женщина, которая хочет получить удовольствие, — прошептал он, почти касаясь губами моей шеи. — Это всё ещё шум твоей воли. Ты хочешь «результата». Но я хочу, чтобы ты забыла о результате. Я хочу, чтобы ты стала чистой потребностью. Чтобы ты перестала быть субъектом и стала объектом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.